

А. П. ЛИПАТОВА
(Ульяновск)

ЧУДО / ИСТОРИЯ: ХАРАКТЕР ВАРИАТИВНОСТИ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Чудо является центральным и кульминационным моментом легенды [Соколова 1970, 252; Путилов 2000, 5; Чистов 1967, 337] и определяет многие ее особенности: модальность текста (невероятность, но истинность), сложность структуры (чудесное проявляет себя не в одном событии, а в связи нескольких событий), характер вариативности текста. А. С. Джанумов полагает, что именно «наличие в легендах чуда» отличает их от преданий [Джанумов 2003, 6].

В 60-е годы XX века Л. И. Емельянов отмечал, что для некоторых ученых различие между легендами, преданиями и быличками «не представляло существенного значения, поскольку ни один из этих видов никогда не рассматривался в качестве самостоятельной формы отражения действительности, но все они всегда изучались суммарно» [Емельянов 1960, 251]. В дальнейшем в науке продолжают использоваться такие термины, как «легендарное предание» [Соколова 1968; Соколова 1970], «предание-легенда» [Колесницкая 1972], «историческая легенда» [Гусев 1993], «легенда-“предание”» [Шеваренкова 2004]. Однако, анализ наших материалов показывает, что легенда и предание являются самостоятельными формами отражения действительности, к которым не применимы суммарные жанровые обозначения. В данной статье предпринята попытка выявить принципиальное различие характера вариативности текста предания и легенды.

Исследователи, говоря о предании, в качестве ведущей называют информативную, познавательную функцию [Аникин 1972, 7; Соколова 1970, 252; Померанцева 1985, 215]. Легенды же, в отличие от предания, «стимулируют народные движения, играют в них организующую роль, <...> влияют на них то благотворно, то губительно» [Чистов 1967, 233]. Функция легенды — «конструирование реальности» [Бергер, Лукман 1995]. Легенда всегда повествует

об актуальном. При утрате актуальности рассказ меняет свою жанровую природу. К. В. Чистов, анализируя социально-утопические легенды об «избавителе», замечает, что «появление новой легенды о новом “избавителе” означает, что вера в предыдущего уже утрачена, легенда о нем перестала бытовать или превратилась в историческое предание, потеряла свою социально-утопическую функцию» [Чистов 1967, 222].

Легенда рассказывает о чуде. Предание — всегда история. В философии языка принято различать понятия «факт» и «событие» [Демьянков 1983; Арутюнова 1999]. Чудо — всегда событие: «Нет ничего легче, чем выделить общий компонент, присущий событию и чуду, — пишет Ю. В. Шатин. — Этот общий компонент связан с нарушением вероятности в последовательности каких-либо действий» [Шатин 1996]. Чудо, в силу своей «многозначности, а потому и неясности» [Булгаков 1994, 5], не допускает однозначной трактовки. Событие также невозможно истолковать единообразно: одна ситуация порождает «множественность истолкований» [Долинин 1985, 19]. Но исторический аспект, определяющий направленность текста предания, способствует подавлению многозначности в трактовке события, превращению ряда не связанных на первый взгляд происшествий в «интеллигибельное целое» [Рикёр 1998, 81]. Событие, теряя многозначность, становится фактом, который есть «синоним понятия “устойчивость”» [Аверьянов 2007]. Девиз предания — «правда и ничего кроме правды!» [Путилов 2000, 6], поэтому «факт» с его «абсолютной истиной» [Аверьянов 2007] оказывается идеальной опорой для этого фольклорного жанра.

Итак, предание есть рассказ об истории, легенда — о чуде. История опирается на факты¹, чудо является событием. Поэтому и отношения между преданием и легендой оппозиционные: неактуальность, подчиненность одной интерпретации, однозначность предания противопоставляются актуальности, многозначности, несводимости к какой-либо одной идее легенды. Подобные различия определяют характер вариативности текстов этих жанров.

¹ «Устойчивость» фактов обеспечивает истории сохранность [Аверьянов 2007].

Рассмотрим закономерности влияния направленности текста на характер вариативности предания и легенды. Материалом для исследования послужили полевые записи, произведенные в Сурском, Инзенском и Сенгилеевском районах Ульяновской области.

Никольская гора в Сурском является официально признанным сакральным центром Ульяновской области. Данный локус активно почитался еще в XIX веке. Сюжет о том, как гора получила святость, на сегодняшний день окончательно сформировался. В местной прессе часто публикуются разного рода материалы о том, как чудесное явление святого Николая остановило вражеское войско, угрожавшее Сурскому. На вершине Никольской горы помещена плита, на которой записан текст этого предания². В результате такой «активной популяризации ландшафта, хранящего в себе большой пласт традиционной культуры, возникает опасность ее деградации и потери» [Веденин 2003, 11]. Письменные источники информации выполняют «консервирующую функцию», они «закрепляют в письменной форме местный инвариант текста», сводя к минимуму «его текстовые трансформации и варианты» [Никитина 1993, 40]. Практически все современные устные рассказы, объясняющие сакральный статус Никольской горы, являются реализацией сюжета о том, как святой Николай спас Сурский край от захватчиков. Этот сюжет вытеснил другие версии события³. Вследствие такой распространенности он стал неактуален: «Соб.: “А где еще вот такие — святые — места есть?”. Инф.: “Ну, чай вот, Николай Угодник. Это тоже все знают вот его. В Сурском”. Соб.: “Вы можете рассказать про него?”. Инф.: “Ну, а чё рассказывать. Там уж это всё тут сказано да рассказано. Это уж теперичи у кого хошь спроси”» (зап. от З. А. Селантьевой, 1929 г. р., в с. Потьма Карсунского района [ФА КЛ УлГПУ 2005. Соб.

² В стихотворной форме рассказывается о том, как чудесное явление св. Николая остановило вражеское войско, угрожающее с. Промзино (ныне — р. п. Сурское). Паломники, посещающие Никольскую гору, могут ознакомиться с данным текстом.

³ О том, что другие версии события существовали, свидетельствует текст, приведенный в брошюре И. Токмакова: [Токмаков 1895, 11—12].

А. П. Липатова)]. Повествования о том, как святой Николай спас Присурье от врагов, в настоящее время являются скорее преданиями, чем легендами⁴.

Рассказы, связанные со святыми родниками в Тушне (Сенгилеевский район Ульяновской области) и в Коноплянке (Инзенский район Ульяновской области), содержат актуальную для носителей традиции информацию. Эти родники, в отличие от Никольской горы, являются неофициальными сакральными центрами. Их популярность не выходит за пределы района, в котором они расположены. Об этих святых местах бытует множество самых разнообразных рассказов, сюжет которых несводим к одному варианту. Более того, процесс текстообразования продолжается до сих пор. Появляются новые повествования, объясняющие события, повлекшие сакрализацию родников. Как правило, подобные нарративы имеют форму «слухов и толков»⁵ или квазимеморатов. Рассказы о святых родниках в Коноплянке и Тушне имеют жанровые признаки легенды.

Рассмотрим особенности вариативности текстов о Никольской горе и текстов о родниках в Тушне и Коноплянке.

Б. Н. Путилов предлагает видеть в системе отношений между вариантами «ряд ступеней, определяемых по характеру близости или раздельности» [Путилов 2003, 211]. Трудность заключается в том, что данная концепция выработалась Б. Н. Путиловым на материале произведений с развернутым сюжетом (эпических песен). Тексты легенд — небольшие по объему, сюжет их не всегда развернут. Для устных рассказов характерна своя система масштабов. Но сама идея Б. Н. Путилова оказывается продуктивной и в случае с жанрами нескасочной прозы.

Для того чтобы наметить систему отношений между вариантами текстов

⁴ Анализ письменных источников второй пол. XIX — начала XX века показывает, что современные тексты о явлении Николая значительно отличаются от записанных век назад.

⁵ К. В. Чистов в монографии «Русские народные социально-утопические легенды» не раз высказывает мысль о том, что с потерей актуальности (социально-утопической функции) легенда превращается в предание. Это происходит «в процессе затухания слухов» [Чистов 1967, 195].

преданий и легенд воспользуемся теорией А. Дандеса. Американский исследователь, опираясь на разграничение, используемое лингвистами, в частности — Кеннетом Пайком⁶, предлагает выделять эмический и этический уровни текста [Дандес 2003]. Единицами эмического (системного) уровня являются мотивемы («функции» В. Я. Проппа; «темы» Г. Л. Пермякова) и алломотивы — системные варианты инварианта-мотивемы («трансформы» Г. Л. Пермякова). Мотивема соответствует уровню парадигматики, алломотивы — синтагматики. «Под “эмическим” подходом понимается такой подход, который учитывает значимые различия в речевом поведении; “этический” подход трактует речевое поведение как целостный комплекс, как внешнюю реализацию, в которой не разграничено значимое и незначимое» [Основы теории 1974, 45]. Следовательно, эмический уровень не провоцирует появление сюжета — «внешней реализации» «значимых различий». Сюжет зарождается на этическом уровне, единицей которого является мотив. Но помимо вариативности сюжета (этический уровень), тексты могут демонстрировать вариативность идеи (эмический уровень), положенной в основу сюжета. Поэтому, для того чтобы наметить систему вариативности текстов преданий и легенд, необходимо ответить на вопрос, какому уровню изменений (эмическому или этическому) соответствуют варианты, редакции и версии.

Первую ступень вариативных различий — наличие вариантов — Б. Н. Путилов называет «близкой к нулевой». Вариант — «текст произведения, возникший в процессе его живого бытования в устной или письменной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших этим же путем» [Азбелев 1966, 272]. Эта степень варьирования не является предметом нашего анализа. Несказочная проза в целом «относится к наименее формализованным жанрам фольклора. Каждое новое воспроизведение текста может значительно отличаться от предыдущего» [Ковшова, Котельникова 2004, 47]. Поэтому анализ таких изменений не

⁶ Идея разграничения эмического и этического уровня существовала еще до К. Пайка. См.: [Основы теории 1974, 45—46].

поможет наметить качественные различия между преданием и легендой.

Нередко в исследуемых повествованиях взаимозаменяемыми оказываются святой и икона с его ликом. И икона, и святой выполняют в тексте одно и то же действие. Такое варьирование не способно стать толчком изменения сюжета произведения. Если в эпосе вторая степень варьирования соответствуют редакции произведения [Путилов 2003, 211], то в случае с текстами рассказов о святых местах вторую ступень варьирования удобнее было бы назвать вариантом.

Вторая ступень варьирования характерна для рассказов о Никольской горе. Сюжет текстов закреплён в письменных формах и всем хорошо известен. Поэтому большие колебания в передаче смысла невозможны.

Все рассказы о святой горе в Сурском реализуют легко определяемый инвариант: святой Николай останавливает врагов, угрожающих селению. Вариативность в текстах проявляется следующим образом: меняется изображение актанта, функция которого — предотвращение беды, нависшей над Сурским. Обычно рассказывают о том, что вражеское войско остановило явление святого Николая: *«Вот этот Николай Угодничек. Это еще когда татарская ига шло. <...> Вот и вдруг значит неба, говорит, раскрывается, вот, grit, озарилась каким-то этим вот. И, говорит, сразу спускается вот как бы конь огненный — на коне, grit, этот Николай Угодник. <...> И он ослепляет этих татарская иго. <...> И они все ушли»* (зап. от Н. С. Лагиной, 1937 г. р., в р. п. Сурское Сурского района [АА 2006. Соб. А. П. Липатова]). В некоторых текстах татар останавливает явившийся лик (икона) святого Николая: *«Старые люди рассказывали, что когда наши, русские, воевали с татарами, гора наша, которую мы сейчас Никольской называем, уже так и стояла у леса, а на самой горе часовенка была. И вот, вроде бы, подошли татары к самой горе. И в это самое время явился в часовенке лик Николы Чудотворца. И стары люди говорят, будто остановил Никола татар у самой этой горы — не пошли они дальше»* (зап. от П. П. Фроловой, 1905 г. р., в р. п. Сурское Сурского района [ФА КЛ УлГПУ 1991. Соб. Е. А. Котаева]).

Встречается и такой вариант — явился белый конь и остановил вражеское войско, например: «А вот на этой-то горе, видать, вот это — или икону нашли Николая или что. И вот. Когда татары-те, они ведь хотели взять это, Промзино оно ведь раньше называлось. А там, грит, появился белый конь. И они ушли, и не стали брать. “Ала-ала-ала,” — удирали. Белый конь — и они побоялись» (зап. от А. П. Чекуряевой, 1923 г. р., в с. Сухой Карсун Карсунского района [ФА КЛ УлГПУ 2004. Соб. А. П. Липатова]). Различные персонажи (святой Николай, икона с его ликом, даже конь) выполняют одно и то же действие (функция «предотвращение опасности»), поэтому являются синонимичными и взаимозаменяемыми на современном этапе бытования произведения.

Варьирование касается и атрибутов святого Николая. В записках краеведов конца XIX века приводится рассказ о том, как чудесное появление Николая Угодника спасло Присурье от татар. Святой описывается как «величественный старец в священном одеянии, с мечом в одной руке и с Церковью в другой» [Токмаков 1895, 8]. В современных устных рассказах святой Николай описывается так же: «Вот так вышел [святой Николай. — Соб.]: в одной руке ... храм, в другой — меч...» (зап. от А. П. Захаровой, 1931 г. р., 6 кл., р. п. Сурское Сурского района [АА 2007. Соб. А. П. Липатова]). «Николай Чудотворец изображен здесь в иконографическом типе, известном на Руси под названием “Никола Можайский” — с мечом в одной руке и храмом в другой. В Симбирске и Симбирской губернии данный иконографический тип назвали “Никола Промзинский”» [Цодикович 1991, 93]. Помимо этого, встречаются и «нейтральные» варианты, в которых при описании персонажа просто подчеркивается его святость: «Вот татары подошли вплотную к Суре. <...> И им явился вот этот вот Николай Угодник на белом коне. И это самое... — с крестом. С крестом. И вот вокруг головы — венец» (зап. от Г. И. Кулагиной, 1942 г. р., в с. Сара Сурского района [ФА КЛ УлГПУ 2006. Соб. А. П. Липатова]). Нередко Николай предстает перед нами в непривычном облике: «Раньше были татары. Воевали. Нападали. <...> И они вот дошли до горы до этой, и значит,

вот этот Миколай Угодник явился, тут на этой горе. На белом коне и с мечом <...>» (зап. от Т. Н. Игониной, 1925 г. р., в с. Сухой Карсун Карсунского района [ФА КЛ УлГПУ 2004. Соб. А. П. Липатова]). Скорее всего, в подобных текстах на интерпретацию образа Николая Угодника повлиял образ Георгия Победоносца, который, судя по письменным текстам XIX века, явился вместе со святым Николаем во время нападения врагов на Промзино⁷. Иконография Георгия Победоносца соответствует описанному в текстах образу [Пропп 2002]. Изменения атрибутов святого не обладают «смыслоразличительной функцией» [Неклюдов 2007]. Такие изменения приводят к созданию не вариантов, а вариаций текстов, для которых характерно незначительное изменение образа при сохранении его основной семантики.

В повествованиях о Никольской горе может варьироваться и образ врага, напавшего на Промзино-Сурское. Чаще всего рассказывают о том, что селению угрожали татары. Иногда упоминаются «турки», «немцы», «войска — чуваша ли, татары ли, мордва», «ханы» и т. п. Спектр такого варьирования «указывает не на расхождение, а на общую смысловую зону» [Неклюдов 2007] — враги, захватчики, иноверцы, неправославные.

Рассказы о Никольской горе имеют следующие особенности. Изменения в текстах касаются только персонажей (при неизменности функции ими выполняемой) и атрибутов персонажей. Сюжет уже сформирован. Возникновение новых вариантов не приводит к разрушению или модификациям сюжета. Все рассказы о Никольской горе реализуют один инвариант (мотифему), поэтому любые изменения текстов затрагивают только этический уровень (сюжет) и никак не связаны с уровнем эмическим. Какие-либо другие версии события, повлекшего сакрализацию Никольской горы, отсутствуют.

⁷ В рассказах, приведенных П. Карамзиным и И. Токмаковым, вместе со святым Николаем фигурирует и Георгий Победоносец: «на белом коне и со смертоносным копьем еще какой-то грозный юноша, готовый ринуться на нас тотчас, как только мы осмелимся на один хоть шаг вперед», в котором потом узнали Георгия Победоносца [Карамзин 1893, 21; Токмаков 1895, 8].

В Тушне появление святого родника связывают с чудесным появлением святой Параскевы, отгнавшей врагов, угрожавших селению. Сюжет об отражении нападения захватчиков весьма пространен: *«Вот там — в Тюбяке — лес густой, и там жили отшельники, и они всё время ездили вот грабили людей: скотину забирали, там, хлеба, и всё. Люди-ти плакали все. И один раз как-то пошли они опять вот ну в это село и дошли до этого вот — до овражка, откуда течет родник, и они сразу все ослепли, и они вернулись. А тут появилась икона — Божья эта... — Прасковья Мученица»* (зап. от А. К. Головановой, 1941 г. р., в с. Криуши Ульяновского района [АА 2006. Соб. А. П. Липатова]). В Сурском (вследствие деградации устной традиции) сюжет о спасении Николаем от врагов «законсервирован», «его текстовые трансформации и варианты» сведены к минимуму [Никитина 1993, 40]. В Тушне рассказчик обладает большей свободой. Сюжет о захватчиках легко трансформируется. В Сенгилеевском районе был зафиксирован рассказ, в котором способ предотвращения опасности переосмысливается следующим образом: *«Раньше здесь проходила граница Российского Государства. И соответственно здесь дальше было Гуляй-поле. И очень много было банд различных. Они нападали на Тушину там, на это. И здесь недалеко находилась, значит, жители Тушны, ну по очереди этого поселения, выставляли, ну, охрану — чтобы она не спала ночью, короче, и, в общем, как только они шли, то, значит, они давали знак тем, те поднимаются, пока до Тушны доходили, чтобы отразить атаку этих разбойников, значит. И один раз, значит, заснул один человек здесь. Ему явилась Божья Матерь на этом месте и разбудила его. И забил родник. И сказала: «С этого момента не будет больше, значит, Тушна будет мной обережена. Я буду ее оберегать»* (зап. от отца Владимира, священника, в с. Сенгилей Сенгилеевского района [ДНА 2006. Соб. А. П. Липатова]). В этом тексте появляется новый сюжетный ход: Богородица будит заснувшего охранника. Такие изменения характерны для третьей ступени варьирования текстов. Б. Н. Путилов полагает, что третьей ступени варьирования текста соответствуют версии. Это

характерно для эпоса: «Песни на один и тот же сюжет, но отличные по развитию хода действия, могут быть названы версиями песни» [Пропп 1999, 24]. В небольшом по объему тексте легенды порой трудно обнаружить «различную идейно-художественную трактовку сюжета» [Пропп 1999, 24], характерную для версий. В случае с прозой третья ступень варьирования соответствует редакциям, для которых характерны «различия в трактовке или в передаче замысла» [Путилов 2003, 211].

И редакции, и варианты не связаны с кардинальным изменением сюжета. Появляются новые атрибуты (варианты), новые сюжетные ходы (редакции), но смысл сюжета всегда сохраняется. Это происходит потому, что варианты и редакции текста — реализации одного алломотива (одного из синтагматических вариантов мотивемы). Версии, в отличие от редакций, максимально удаляются друг от друга. О версиях можно говорить тогда, когда в основе текстов лежит одна мотивема, но сами тексты являются воплощением разных ее системных вариантов — алломотивов. Таким образом, если варианты и редакции есть результат варьирования сюжета (этический уровень), то появление версий связано с изменениями идеи, заключенной в инварианте — мотивеме (эмический уровень).

Для корпуса текстов, связанных с родником в Коноплянке, характерно наличие самых разных рассказов о том, как родник получил святость. В их основе лежит мотивема «икона не дает себя поймать»: *«Эта... нас-ти не была. Это давным-давно эта история. Вот плават иконка [в роднике в с. Коноплянка Инзенского района — Соб.]. И женщина ловила-ловила. А вот выплыват из сруба иконка, вот такая — Прасковья Мученица — не дается. Старушка тут тоже в Бога веруца хорошо: “Доченька, подойди ко сюда,” — позвала, так вот этака девочка. “Ни подойдёт ли к твоим младенским рученькам Праскавья Мученица?!” Она подошла. Вот эдак спустилась, рученькой. И она выплыват, прям, к ней на руки. Иконка-та»* (зап. от Е. П. Москвичевой, 1922 г.р., в с. Проломиха Инзенского района [ФА КЛ УлГПУ 2001. Соб. А. П. Липатова]). *«Вот там всё говорили когда-то — вал*

проходит, эта была татарская граница. И пошли кто-то в этот родничок. Плават иконка. <...> Станут доставать — она убиёт, станут доставать — убиёт. И потом она [икона. — Соб.] проговорила: “Пусть придет вот такая женщина, названья ей — Прасковья. (Ну, эта кто знат — село-то большое) — Недавно родила”. Пошли в церкву и говорят: “Вот так и так. — Правильно, вот Прасковья недавно родила”. Ну, вот ей сказали, и она пошла, и она ей в руки дала. Полотенце растелила и ее понесла в храм...Вот, а ее звали Прасковья. Ее и назвали эту икону — Прасковья Мученица» (зап. от В. М. Тарабаевой, 1927 г.р., д. Чамзинка Инзенского района [ФА КЛ УлГПУ 2004. Соб. А. П. Липатова]). В основе текстов — одна мотифема, но разные алломотивы. Значимые различия представлены следующими оппозициями: ребенок / взрослый, маркированный персонаж (женщина по имени Параскева) / немаркированный персонаж⁸. То, что в основе текстов лежит одна мотифема, свидетельствует о том, что когда-то подобные тексты были связаны между собой. На современном этапе говорить о сходстве текстов не приходится.

В эпосе версия по степени текстовых изменений оказывается ближе к варианту⁹. В случае с прозой версия ближе к четвертой ступени варьирования текста, в рамках которой Б. Н. Путилов рассматривает «возникновение нового самостоятельного произведения». Но исследователь подчеркивает, что четвертая степень изменений текста тоже расположена «в системе отношений между вариантами» [Путилов 2003, 211]. Для нас это очень важно, поскольку речь идет о рассказах, повествующих об одном и том же событии (о событии, повлекшем сакрализацию одного объ-

⁸ Разумеется, оппозиции, вариативные для мотифемы «икона не дает себя поймать», могут быть самыми разными: «нечистый / чистый», «русский / иноверец» и, наоборот, «иноверец / русский», «нерусский / русский», «светский / приобщенный к церковному (священник)», «мужчина / женщина» и др. В основе текстов, реализующих ту или иную оппозицию, будут лежать разные алломотивы мотифемы «икона не дает себя поймать».

⁹ Например, у В. Я. Проппа вариант и версия — взаимозаменяемые понятия. Анализируя тексты былин о Садко, В. Я. Пропп пользуется терминами «версия» и «вариант» как синонимами. [Пропп 1999, 94 — 95].

екта). Например, про родник в Тушне существуют рассказы, реализующие разные мотифемы: «святая спасает от захватчиков», «святая сама приводит к роднику», «святая снится больному и подсказывает, где искать ее родник», «явившуюся икону уносят с родника, она возвращается на место своего явления», «икону находят дети». Тексты, реализующие разные мотифемы, являются самостоятельными произведениями (четвертая ступень варьирования).

Итак, анализ нашего материала показывает, что систему вариативности текстов преданий и легенд можно представить в виде четырех ступеней (см. таблицу).

Первая ступень вариативности текста характерна для этического уровня. В данном случае изменения затрагивают только поверхностные структуры нарративов. Вариативность этических единиц не приводит к модификации сюжета. Вторая ступень вариативности является переходной между этическим и этическим уровнем текста. Третья и четвертая ступени связаны с кардинальным изменением текста (варьирование единиц этического уровня).

Характер вариативности предания принципиально отличается от характера вариативности легенды. Это объясняется тем, что идейная направленность текста предания и легенды разная. Для предания характерна ориентация на историю, факт. От фактов нельзя отклоняться. Поэтому история всегда связана с актом «пере-сказа», а не с актом рассказа [Рикёр 1998, 83]. О чуде, лежащем в основе сюжета легенды, можно только рассказывать. Более того, «слух» (а легенда нередко оценивается слушателями именно так) допускает вольную трактовку. Поэтому амплитуда колебания текста легенды всегда шире, чем амплитуда колебания предания. В связи с этим необходимо ввести и разграничить такие понятия, как *трансформантный* и *константный* типы варьирования текстов [Зарипов 1983, 18]. Любой фольклорный текст — совокупность «стабильных и взаимозаменяемых элементов» [Грица 1983, 28]. При этом тексты, ориентированные на историю, стремятся к «константе», а рассказы о «чуде» — к «трансформанте». Поэтому в текстах преданий преоб-

Таблица

Первая ступень	Вторая ступень	Третья ступень	Четвертая ступень
Этический уровень		Эмический уровень	
В основе текстов лежит один вариант (алломотив) мотивемы. В текстах изменяются персонажи (функция, ими выполняемая, остается неизменной), атрибуты персонажей.	Тексты реализуют одну мотивему, один ее алломотив. Но сюжет текстов различается: появляются новые сюжетные ходы. Изменения сюжета не приводят к появлению нового алломотива.	Тексты реализуют одну мотивему, но разные алломотивы мотивемы.	В основе текстов — рассказ об одном событии. При этом тексты являются реализацией разных мотивем.
Варианты, вариации	Редакции	Версии	Самостоятельные произведения

ладают неизменяемые элементы. В них легко вычленяется инвариантная структура сюжета. Изменения (как правило, соответствующие вариантам) не способны модифицировать сюжет. Легенда, рассказывающая о «многозначном» чуде, варьируется по трансформантному типу. Для последнего характерно доминирование «видоизменяемых элементов», «маскирующих» в сюжете «наличие инварианта» [Зарипов 1983, 15]. Иногда инвариантный смысл оказывается настолько «замаскированным» (самостоятельные произведения, версии), что трудно определить, действительно ли в рассматриваемых текстах рассказывается об одном и том же событии. Система вариативности сюжета легенды свидетельствует об актуальности информации, заключенной в ней, поскольку любое явление жизнеспособно лишь до тех пор, пока оно способно менять свою структуру.

Литература

- Аверьянов 2007 — *Аверьянов Л. Я.* Факт и его интерпретация // Библиотека учебной и научной литературы. Российский Гуманитарный Интернет Университет. // www.i-u.ru/biblio/archive/aver_fakt/
- Азбелев 1966 — *Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260—302.
- Аникин 1972 — *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (К общей постановке проблемы) // Русский фольклор. Вып. 13. Русская народная проза. Л., 1972. С. 6—19.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Бергер, Лукман 1995 — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гусев 1993 — *Гусев В. Е.* Русская народная художественная культура (Теоретические очерки). СПб., 1993.

Булгаков 1994 — *Булгаков Сергей, прот.* О чудесах евангельских. М., 1994.

Веденин 2003 — *Веденин Ю. А.* Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Сер. география. 2003. № 3. С. 7—13.

Грица 1983 — *Грица С. И.* Парадигматическая природа фольклора и принципы идентификации вариантов // Народная песня. Проблемы изучения. Сборник научных трудов. Л., 1983. С. 22—34.

Дандес 2003 — *Дандес А.* От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок // Дандес А. Фольклор: Семиотика и/или психоанализ. Сборник статей. М., 2003. С. 14—30.

Демьянков 1983 — *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия Академии наук СССР. Т. 42. 1983. № 4. С. 320—329.

Джанумов 2003 — *Джанумов А. С.* Поэтика христианской народной легенды (Исследование и тексты). М., 2003.

Долинин 1985 — *Долинин К. А.* Интерпретация текста. М., 1985.

Емельянов 1960 — *Емельянов Л. И.* Проблема художественности устного рассказа // Русский фольклор. Вып. 5. Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 247—264.

Зарипов 1983 — *Зарипов Р. Х.* Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. М., 1983.

Карамзин 1893 — Явление чудотворной иконы святого Николая Мирликийского в Городище Промзине Симбирской губернии и исторический очерк Промзина / Составил П. Карамзин. Саратов, 1893.

Ковшова, Котельникова 2004 — *Ковшова М. Л., Котельникова Н. Е.* «Про одну женщину говорили, что она свиной оборачивается»: опыт исследования структуры быличек // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 6. М., 2004. С. 47—53.

Колесницкая 1972 — *Колесницкая И. М.* Русские предания и легенды в публикациях 1860—1870-х годов // Русский фольклор. Вып. 13. Русская народная проза. Л., 1972. С. 20—40.

Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Вариант и импровизация в фольклоре // www.ruthenia.ru/folklore/nekludov1.htm

Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Основы теории 1974 — Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Померанцева 1985 — *Померанцева Э. В.* Устная сказочная проза // Померанцева Э. В. Русская Устная проза. М., 1985. С. 173—257.

Пропп 1999 — *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1999.

Пропп 2002 — *Пропп В. Я.* Змеборство фольклора в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. М., 2002. С. 92—115.

Путилов 2000 — *Путилов Б. Н.* Петр Великий — фольклорный герой // Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. СПб. 2000. С. 3—12.

Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In *memoiam*. СПб., 2003.

Рикёр 1998 — *Рикёр П.* Время и рассказ: в 2 тт. Интрига и исторический рассказ. Т. 1. М.; СПб., 1998.

Соколова 1968 — *Соколова В. К.* О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 248—274.

Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.

Токмаков 1895 — Историко-статистическое и археологическое села Промзино-Городище Алатырского уезда, Симбирской губернии / Составил И. Токмаков. М., 1895.

Цодикович 1991 — *Цодикович В. К.* Русское церковное искусство XVIII—XX вв. в немусейных собраниях Ульяновской области. Каталог. Ульяновск, 1991.

Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

Шатин 1996 — *Шатин Ю. В.* Событие и чудо // www.nsu.ru/education/virtual/discours2_2.htm

Шеваренкова 2004 — *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.

Список сокращений

АА — Архив автора.

ФА КЛ УлГПУ — Фольклорный архив кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета.

ДНА — Дневник наблюдений автора.

Н. А. АНТРОПОВА
(Москва)

РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ У СТАРООБРЯДЦЕВ: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА¹

Любой фольклорный текст может и должен изучаться не только с точки зрения поэтики, сюжетно-мотивного состава, формульности и т. д., но и как социальный феномен. Примером такого рода исследований являются работы М. Р. Базилишиной «Устный народный рассказ: функциональная природа жанра» [Базилишина 1997], С. Б. Адоньевой «Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX века)» [Адоньева 2004] и некоторых других исследователей.

Известно, что религиозное сознание способно воспринимать и интерпретировать как чудо практически любое явление действительности, что, впрочем, не исключает существования «чудесных событий» со сверхъестественной природой (одной из разновидностей последних являются чудеса, имеющие форму видений). Чаще всего чудеса происходят с одним человеком или ограниченным числом людей (наиболее известное исключение — чудо схождения Благодатного огня в Иерусалиме) и являются частью индивидуального мистического опыта. В дальнейшем люди, с которыми случилось чудо, рассказывают о нем более широкому кругу лиц. «Содержание <...> воспринимается как некое сверхъестественным образом полученное сообщение, которое подлежит расшифровке и экстериоризации» — эти слова, которые составители сборника «Сны и видения в народной культуре» [Сны 2001] относят, соответственно, к снам и видениям, в полной мере справедливы и для рассказов о других «чудесных событиях». Важным при этом, на наш взгляд, является понимание того, для чего обнаружится этот опыт, какие функции выполняют рассказы о чудесах. Особое значение приобретает не только сам текст рассказа о чудесном, но авторские и исполнительские

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-00171а).